

Павел Юрьевич Уваров

Институт всеобщей истории

Российской академии наук

**ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ В ТРАКТАТЕ
РАУЛЯ СПИФАМА *DICAEARCHIAE HENRICI REGIS
CHRISTIANISSIMI PROGYMNASMATA***

1. Адвокат Парижского Парламента Рауль Спифам в 1556 г. нелегально отпечатал сборник законов, якобы изданных королем Генрихом II. Корпус, включавший в себя свыше 300 королевских постановлений, был озаглавлен «*Dicaearchiae Henrici Regis Christianissimi Progymnasmata*» («Упражнения христианнейшего короля Генриха в хорошем правлении») и содержал всеобъемлющий план реформ, призванных «лучше организовать дела своей Республики». Парламент велел конфисковать все напечатанные экземпляры этого сочинения, однако оно все равно нашло своих читателей. Одни считали книгу бредом человека, одержимого манией величия, другие – гениальным озарением провидца (поскольку Спифаму удалось предсказать многое из того, что было претворено в жизнь позднее, вплоть до реформ канцлера Мопу), третьи же принимали некоторые из вымышленных постановлений Спифама за вполне аутентичные королевские законы.

2. При всей экстравагантности своего поведения Рауль Спифам был наблюдательным человеком и опытным юристом. К тому же он общался с теми, кто разрабаты-

вал реформационные эдикты Генриха II. Беспрецедентные преобразования, начатые этим королем, были прерваны возобновившимся конфликтом с Испанией, внезапной гибелью короля (1559) и Религиозными войнами. Моя гипотеза состоит в том, что Спифам стремился подражать логике королевских реформ и по возможности углубить их, эксплицитно (и даже в немного шаржированном виде) провозглашая идеологию преобразований, которая имплицитно присутствовала в деятельности королевских секретарей, готовящих законы Генриха II.

3. Из 309 постановлений, которые вошли в том, изданный Раулем Спифамом, примерно каждое шестое так или иначе содержало отсылку к историческому прецеденту. Чаще всего в преамбуле помещалось «Извлечение из хроник Франции», призванное служить если не обоснованием, то поводом к изложению сути постановления. Например, «извлечение», предварявшее постановление CLXXXVII, напоминало о событиях 1411 года, когда парижские мясники, подстрекаемые герцогом Бургундским, начали бунтовать под предводительством живодера Кабоша. В самом же постановлении речь шла о перенесении парижских боен и оптовых мясных рынков за пределы города. Подобные «извлечения» затрагивали период от времен Меровингов до начала правления Людовика XII. Иногда в преамбуле встречались выдержки «из церковных хроник» и «из Каталога святых». В некоторых случаях давались ссылки на «Римскую историю». Более экзотической выглядит ссылка на «Естественную историю» Плиния Старшего (постановление LXXXVII –

о бродячих собаках и о правилах содержания собак пастушеских).

4. Порой исторические экскурсы содержались не в преамбулах, а в текстах самих постановлений. Вспоминались обычаи египетских царей, походы Александра Македонского, Пунические войны, приводились позитивные примеры из римской истории (возведение Пантеона, организация триумфов), пересказывались истории из жизни святых, прославленных деятелей церкви, подвиги рыцарей прошлого. Любопытно, что примеры из Священного писания или из церковной истории достаточно часто давались в тексте постановлений, но не выносились в преамбулу. В качестве образца для подражания приводился также исторический опыт итальянских городов, например, организация *Monti delle doti* или процедура выборов должностных лиц в Венеции.

5. Подлинные указы французского короля Генриха II в преамбулах никогда не содержали подобных отсылок. Как правило, в тексте королевского постановления упоминалось лишь о тех конкретных законах предыдущего царствования, которые надлежало расширить, видоизменить или отменить. В крайнем случае собирательно говорилось о «законах наших предков». Но когда в регистрах Парижского Парламента сообщалось о процедуре утверждения королевских указов и пересказывалось выступление генерального прокурора или канцлера, представлявшего тот или иной закон, исторические примеры в их речах были весьма обильны.

6. Юристам того времени было свойственно оснащать свою речь многочисленными историческими примерами,

порой даже сверх меры. В конце XVI века в сочинениях-рассуждениях о профессии адвоката авторы даже предупреждали о недопустимости злоупотребления, выражавшегося в демонстрации адвокатом своей исторической эрудиции, что мешало разбору сути дела во время судебных заседаний. Вообще же в ценности истории для юридической профессии никто не сомневался (достаточно указать на появление знаменитого «Метода» Жана Бодена). Очевидно, что Рауль Спифам, стремясь подражать стилистике королевских постановлений, оставался при этом верен дискурсивной практике парижских адвокатов. Но это лишь частичное объяснение «историзма» постановлений, сочиненных этим адвокатом.

7. В план Рауля Спифами по реорганизации правосудия входило расширение функций королевского Тайного совета, в том числе создание при совете особого органа, парижской Синдикальной палаты, разделенной на 30 палат (постановление XX). Общей целью этих новых учреждений было «выявление королевских прав за пределами страны и их защита не только от посягательств, но и от забвения...». Впредь любому соглашению с иностранными государями должно было предшествовать всестороннее его рассмотрение, основанное на «изысканиях в глубине веков, в бездне того прошлого, которого обычно боялись коснуться». За каждой из палат был закреплен определенный регион: от сопредельных провинций и стран до относительно далёких территорий, например Ирана. Спифам тщательно распределял обязанности многочисленного персонала, регламентировал порядок изысканий в Сокровищнице хартий и после-

дующей публикации их результатов. В более позднем постановлении (постановление ССVII) он «загрузил» палаты дополнительной работой по отысканию доказательств древности королевских прав уже во внутренних провинциях Франции. Отныне король «не будет утверждать ничего, что не имело бы древних неопровержимых и неоспоримых свидетельств, извлеченных из самых лучших во всем мире историй».

8. Помимо политико-дипломатической пользы сами исторические свидетельства и процесс их поиска имел и иную ценность в глазах «законодателя». В постановлении XIV предписывалось составить «мартиролог – каталог всех принцев, капитанов, их помощников и прочих воинов, погибших в военных походах ради сохранения и защиты короны Франции, начиная со времен Карла Великого». Подобно мартирологу святых этот «каталог воинов» надо было составить по календарному принципу, в соответствии с днями поминовения, и читать его во всех церквах во время утренней службы «дабы воодушевить дворянство более доблестно служить оружием, среди опасностей войны... в качестве подлинных мучеников, без иной канонизации, если случится им умереть на этом одре славы». Спифам определял фонды, из которых должны были оплачиваться эти поминальные проповеди, а также учреждал должность штатного «историографа доблестных деяний, свершенных добрыми и славными рыцарями». Описание подвигов, утверждалось в постановлении, будет составлено в хронологическом порядке на латинском и на французском языках. Историограф будет работать в паре со специально назначен-

ным для этого прославленным поэтом. Очертив круг их обязанностей, Спифам определял размер их жалования и указывал статью королевских доходов, из которых оно должно было выплачиваться.

9. Была ли государственная организация «исторических служб», которые занимались бы поисками источников, лишь плодом прожектерства Спифама? В некоторых случаях предлагаемые Спифамом меры, как выяснилось, уже прорабатывались в королевском «штабе реформ». Именно при Генрихе II термин «королевский историограф» из почетного именованья превращается в обозначение должности на регулярном королевском жаловании. Правда, первый обладатель этой должности Пьер де Пасхаль был скорее поэтом, чем «историографом» в понимании Спифама. Но секретарь Парижского Парламента Жан Дю Тийе в середине XVI века писал свои во многом беспрецедентные труды по общей истории Франции уже на основании архивных источников. Книги Дю Тийе будут опубликованы лишь после его смерти (1570). Но с начала 1560-х годов молодой парижский адвокат Этьен Паскье начинает издавать свои знаменитые «Разыскания по истории Франции», также опираясь преимущественно на первоисточники. В самом конце XVI столетия появится официальная должность «историографа Франции» (1596), правда, идея, что ее обладатель должен трудиться, преимущественно опираясь на найденные им исторические документы, утверждалась очень медленно. Представление о том, что история пишется по источникам, в дальнейшем пробивало себе дорогу в основном в трудах историков – представи-

телей монашеских орденов. Но странный опус Спифама, возможно, открывает нам альтернативный, «огосударствлённый», путь развития исторического знания, реализация которого была приостановлена Религиозными войнами.

Pavel Yu. Ouvarov

*Institut d'histoire universelle de l'Académie des sciences
de Russie*

**HISTOIRE ET SOURCES HISTORIQUES DANS LE LIVRE DE
RAOUL SPIFAME *DICAEARCHIAE HENRICI REGIS
CHRISTIANISSIMI PROGYMNASMATA***

En 1556, l'avocat du Parlement de Paris Raoul Spifame imprima illégalement un recueil des arrêts rédigés au nom du roi Henri II. Ce livre contenant plus de 300 arrêts s'intitulait *Dicaearchiae Henrici Regis Christianissimi Progyrnasmata*. Durant longtemps, l'ouvrage de Raoul Spifame fut considéré soit comme un fruit d'imagination malade d'un mégaloman, soit comme un recueil de projets extrêmement utiles (Spifame réussit à prédire de nombreuses réformes jusqu'à celles du chancelier Maupeou), soit comme des lois authentiques. D'après mon hypothèse, Spifame imita la logique des ordonnances royales, en proclamant explicitement (et même de façon exagérée) l'idéologie des réformes globales. La même idéologie fut implicitement présentée dans la logique des secrétaires royaux qui avaient préparé les lois de Henri II.

Dans l'œuvre de Raoul Spifame un arrêt sur six contient une référence aux précédents historiques. Le plus fréquent est le cas quand dans le préambule se trouvent *Extraits des Chroniques de France*, destinés à justifier la raison pour exposer le contenu des arrêts. Ces «extraits» représentent la période à partir du temps des Mérovingiens jusqu'au début

du règne de Louis XII. Parfois il n'y a pas d'excursions historiques dans le préambule, mais elles peuvent se trouver dans la partie normative du arrêt.

Les préambules des édits authentiques de Henri II ne contient pas de références historiques. Contrairement les discours du procureur général ou du chancelier prononcés au cours de la registration des arrêts royaux au Parlement sont pleins des exemples historiques. Les avocats de cette époque ornaient souvent leurs discours par des exemples historiques parfois de façon démesurée. Spifame, un avocat âgé, resta fidèle aux habitudes du langage de ses collègues du Palais. Mais un engagement de style n'est qu'une explication partielle de l'«historicisme» des arrêts de *Dicaearchiae*.

Spifame conçut l'élargissement des fonctions du Conseil privé, notamment la création d'une institution spéciale dépendante de celui-ci et divisée en 30 chambres. L'objectif commun de ces nouvelles insitutions fut de rechercher des anciens documents dans le Trésor des Chartes «pour la promotion et advancement de beaucoup de droicz appartenantz a la Royale couronne de France qui demenrent en arriere par faulte de les ramenteuvoir». A chacune des chambres fut attribué une région spécifique pour les recherches – à partir des pays voisins jusqu'aux territoires iraniennes (chambre du Sophi et d'Asie la maieur). Spifame réglementa bien la procédure des recherches dans le Trésor des Chartes ainsi que la publication obligatoire de leurs résultats. Dans un arrêt ultérieur, il chargea les chambres de fonctions analogiques de trouver des preuves des anciens droits royaux dans les provinces de la France.

Les recherches de preuves historiques eurent non seulement le valeur politico-diplomatique. Le «roi» ordonna, qui sera fait un martirologue du catalogue tous les princes, capitains, leurs lieutenans, et autres gens de guerre qui sont morts en expedition militaire, pour la tuition et defense de la couronne de France, depuis le temps de Roy Charlemaigne... à la fin d'exciter la noblesse à plus vaillamment entreprendre des faitz d'arme... comme s'estimans vrays martyres... Pour cette mission Spifame créa un office d'historiographe ordinaire des gestes vertueux, et faitz chevalereaux des bons et notables chevaliers. En outre il nomma un poète illustre pour l'aider. Les exploits furent décrits par ordre chronologique en latin et en français.

Est-ce que l'organisation des «services historiques» engagées dans la recherche de sources ne fut que le fruit de l'imagination de Spifame? Sous le regne d'Henri II le terme «historiographe royal» se transforma du titre honorifique à la désignation d'un office rémunéré au Trésor d'Epargne. A cette époque-là Jean du Thillet écrivit ses travaux sur l'histoire de la France, basés sur les documents d'archives, Etienne Pasquier commença à travailler sur ses Recherches de la France, en s'appuyant aussi sur les sources primaires.

Au siècle suivant, l'idée que l'histoire «se fait avec des documents» est confirmée principalement dans les écrits des membres des congrégations et des sociétés religieuses. Mais le livre de Spifame nous montre une autre manière, plutôt «étatique», du développement des recherches historiques dont la mise en œuvre fut suspendue par les guerres de religion.